

Хань Дуй неторопливо шагал по деревенской улице, размышляя на ходу. О капитане Ли Маньфу давно шла слава как о старом, невероятно хитром лисе. Их семьи годами враждовали, и сегодня Хань Дуй вознамерился лично прощупать почву и разузнать, на что способна эта бестия. В конце концов, в будущем им ещё не раз придётся сталкиваться лбами, а врага нужно знать в лицо.

По пути к правлению производственной артели Хань Дую то и дело попадались навстречу односельчане. Новость о том, что к нему домой нагрянуло руководство из коммуны, уже облетела деревню, так что любопытные крестьяне так и норовили ухватить его за рукав и засыпать расспросами.

— Сяо Жуй, неужто к вам сама директор Ян из коммуны приезжала? — окликнул его кто-то. — И как, вразумили твою бабу? Провели с ней идейно-воспитательную работу?

Хань Дуй с самым серьёзным видом закивал:

— А как же. Начальство строго сказала: коли не одумается, отправят её прямиком в коммуну, на курсы политического просвещения.

Слушатели испуганно зацокали языками. Курсы политпросвещения в коммуне — место не из приятных. Туда отправляли лишь тех, кто провинился или заимел пробелы в идеологической подготовке. Мало того что приходилось тащить с собой собственное постельное бельё и провизию, так это ещё и позор на всю округу! Чжао Чуньпин уже в годах, куда ей на старости лет под конвоем просвещаться? Стыда потом не оберёшься. Неудивительно, что старуха так быстро покаялась и всё осознала.

Хань Дуй шёл дальше, непринуждённо перекидываясь словечками с односельчанами. Вскоре он добрался до конторы производственной артели. Капитан Ли Маньфу оказался на месте: из-за дверей его кабинета доносился зычный голос. Он кого-то яростно отчитывал, то повышая, то понижая тон — прямо как непутёвого внука.

У дверей кабинета, помимо самого Хань Дуя, ждал своей очереди ещё один человек. Юноша сразу узнал его — это был Ли Сяоцзян, дальний племянник капитана. Они когда-то вместе учились в школе, но из-за застарелой вражды между родами Хань и Ли их общение сводилось к холодному кивку. Впрочем, Сяо Цзян отличался на редкость мягким и равнодушным нравом, держась в стороне от семейных распрей. Его родители тоже были людьми тихими, чуждыми суете и подхалимству, поэтому Ли Маньфу никогда не жаловал их своим покровительством.

Хань Дуй первым нарушил молчание, дружелюбно обратившись к однокласснику:

— Сяо Цзян, кого это там капитан так костерит?

Ли Сяоцзян удивлённо взглянул на него, но быстро ответил вполголоса:

— Лю Фэнцю с отцом.

— И в чём же они провинились? — как бы между прочим поинтересовался Хань Дуй.

— Да в чём они могут провиниться? — вздохнул Сяо Цзян. — Само их происхождение — уже провинность. Забыл, что ли? Семья Лю обязана каждые несколько дней отчитываться перед капитаном о своих мыслях и политической учёбе.

Хань Дуй промолчал, задумчиво разглядывая дверь кабинета.

Судя по доносившимся изнутри раскатам, Ли Маньфу умолкать не собирался. Поразмыслив мгновение, Хань Дуй решительно шагнул вперёд и требовательно постучал.

— Капитан Ли! — звонко позвал он. — Это Хань Дуй. У меня срочный доклад!

Из-за двери недовольно рывкнули:

— Занят я! Жди снаружи.

— Но капитан Ли, дело не терпит отлагательств! — зачастил Хань Дуй. — К нам сегодня сама директор Ян из коммуны пожаловала...

Договорить он не успел — дверь резко распахнулась. На пороге стоял Ли Маньфу. Ему было за сорок: низкорослый, коренастый, темнолицый, с цепким, колючим взглядом маленьких глаз. По части неказистой внешности он вполне мог бы посоперничать с отцом Хань Дуя, Хань Дахуа — оба были хороши, каждый на свой лад.

Несмотря на невзрачный вид, капитан держался с непоколебимым достоинством: выпячивал брюхо, расправлял плечи и вышагивал важной утиной походкой. Говорил он неспешно, с ленцой растягивая слова и густо сдабривая речь бюрократическими оборотами. Воистину, чем мельче чиновник, тем больше гонора.

Ли Маньфу обернулся к притихшим в углу Лю Фэнцю и его отцу, которые стояли, понуро уставившись в пол, и раздражённо бросил:

— Ладно, на сегодня закончим. Кладите свои объяснительные на стол и свободны. И зарубите себе на носу: трудитесь над искоренением вредных мыслей, исправляйтесь и докладывайте точно в срок!

— Слушаемся, капитан Ли, — негромко отозвался отец юноши.

Когда они уходили, Лю Фэнцю мимолётно взглянул на Хань Дуя. Тот подмигнул ему с ободряющей улыбкой. Губы Лю Фэнцю дрогнули в ответной, едва заметной и натянутой полуулыбке, после чего он поспешно скрылся вслед за отцом, опустив голову.

Не успели шаги ушедших затихнуть в коридоре, как Ли Маньфу громко спросил Хань Дуя:

— Слышь, Хань Дуй, вы ведь с Лю Фэнцю в начальной школе за одной партой сидели?

— Надо же, какая у нашего капитана память хорошая, — улыбнулся тот.

— Ну так вот, — капитан нравоучительно протянул, многозначительно прищурившись, — держись-ка ты от них подальше. Помни о классовой бдительности и чётко проводи границу.

Услышав это, Лю Фэнцю на мгновение запнулся на лестнице, но тут же поспешил дальше.

Сперва Хань Дуй хотел по привычке съязвить, но вовремя прикусил язык. Он пришёл сюда с определённой целью, и открытый конфликт с порога перечеркнул бы все планы. К тому же ядовитые колкости — далеко не единственное его оружие. Существовали куда более изящные способы загнать собеседника в тупик так, чтобы тот и возразить ничего не мог.

Приняв решение, он мгновенно сменил тему:

— Капитан Ли, давайте об этом потом. Я ведь к вам по делу пришёл, хочу доложить о визите директора Ян.

Ли Маньфу скептически вскинул брови и вальяжно процедил:

— Ну, излагай.

— Докладываю! Сегодня ровно в девять часов утра товарищ директор Ян и товарищ директор Цзинь прибыли в дом моей бабушки для проведения разъяснительной беседы. Благодаря их чуткому и терпеливому руководству моя бабушка полностью осознала свои идеологические ошибки и пообещала впредь не препятствовать браку моей старшей сестры. Таким образом, товарищ Ян блестяще справилась с поставленной задачей. Около одиннадцати часов дня директор Ян соизволила разделить с нашей семьёй скромную трапезу истинных бедняков, после чего между нами состоялся тёплый, дружеский и исключительно содержательный разговор.

Ли Маньфу лишился дара речи. На его лице отразилось полное недоумение.

— И это... — раздражённо выдавил он, — и это твоё срочное дело?

Хань Дуй, упорно не замечая чужого недовольства, расплылся в улыбке:

— Разумеется, капитан! Товарищ Ян — удивительный человек. Столь преданная делу, чуткая к нуждам простых людей, с широким кругозором — настоящий образец для подражания среди революционных кадров! Я просто обязан был поделиться с вами этим великим открытием.

Капитан так и сочился сарказмом:

— Премного благодарен, что прибежал просветить меня.

— Ну что вы, капитан Ли, не стоит благодарности! Мы ведь из одной деревни, вы — наш мудрый руководитель. Кому же мне ещё доверять свои мысли, как не вам?

Ли Маньфу только беззвучно разевал рот. «У парня что, с головой не всё в порядке?» — вертелось у него в мыслях.

Капитан и не думал предлагать гостю присесть, но Хань Дуй не унывал: сам придвинул колченогую табуретку, устроился поудобнее и без лишних церемоний налил себе тёплой воды в эмалированную кружку.

Слова лились из него бурным потоком. Ли Маньфу демонстративно поглядывал то на настенные часы, то на наглого мальчишку, всем видом намекая, что пора бы и честь знать. Однако Хань Дуй оставался глух к безмолвным мольбам и продолжал увлечённо болтать о всякой чепухе.

Пролетел целый час, а этот фонтан красноречия даже не думал иссякать. В конце концов у Ли Маньфу лопнуло терпение.

— Послушай, Хань Дуй, — перебил он юношу, — тебе что, заняться совсем нечем?

Тот так и ждал этого вопроса.

— Ах, капитан Ли, как чутко вы зрите в корень! — подхватил он. — Действительно, маюсь от безделья. Сами знаете, школу я окончил, на завод меня не взяли, а для тяжёлого крестьянского труда силёнок маловато. Вот я и подумал: может, вы, памятуя о моём революционном пыле, подыщите мне в артели подходящую службу? Вы же отлично знаете мою семью — мы бедствовали девять поколений подряд, чистейший пролетариат, кость от кости народная! Сам я грамоте обучен, считать умею, за словом в карман не полезу и лицо коллектива перед начальством не посрамлю. Я к любому делу готов, так что полагаюсь на ваше мудрое решение.

Ли Маньфу откинулся на спинку стула и смерил его презрительным взглядом:

— Товарищ Сяо Хань, у меня таких грамотеев в артели пруд пруди. Если каждый начнёт выпрашивать тёплое местечко, как мне, по-твоему, руководить людьми?

— Ну, далеко не каждый столь предан делу, как я, — вкрадчиво произнёс Хань Дуй. — Взять хотя бы Ли Сяошуня...

Намёк был прозрачнее некуда — ведь именно этот бездельник, пользуясь родственными связями, увёл у Хань Дуя заветную рабочую вакансию.

Ли Маньфу прищурился, сверля юношу тяжёлым, давящим взглядом. Но Хань Дуй лишь кротко улыбнулся в ответ. На своём веку он видал угрозы и посерьёзнее, так что капитанские гляделки его ничуть не пугали. Некоторое время они молча состязались в упрямстве, пока Ли Маньфу первым не отвёл глаза, не выдержав этой невозмутимости.

Хань Дуй поудобнее перекинул ногу на ногу и со вздохом продолжил:

— Капитан Ли, скажу вам как на духу: я сейчас стою на перепутье. Путь в революцию великое множество, а вот какой выбрать — ума не приложу. Труды вождей я, конечно, прилежно штудирую, но из-за нехватки жизненного опыта глубокую суть улавливаю с трудом. Мне позарез нужен наставник, верный проводник на этом тернистом пути. Поэтому я решил: буду в свободное время наведываться к опытным старшим товарищам вроде вас. Посидим, побеседуем, глядишь — и подниму свой идейный уровень. Вот сегодня с директором Ян так душевно поговорили, да и с вами, чувствую, общий язык нашли. Думаю, на днях съезжу в комитет коммуны, потолкую там со старожилками. А как закончу с коммуной, отправлюсь в уездный центр. Настойчивость горы свернёт! Среди стольких уважаемых руководителей наверняка сыщется хоть один добрый человек, готовый уделить толику внимания заблудшему, но искреннему пролетарскому юноше.

У Ли Маньфу мелко задергалось веко. От такой наглости у него перехватило дыхание, и он не нашёлся что ответить. А наглец смотрел на него чистым, полным жажды знаний и наивного простодушия взором, всем своим видом изображая невинного ягнёнка.

Капитан долго переваривал услышанное. Наконец он шумно прочистил горло, изобразил сухой кашель и неохотно произнёс:

— Послушай моего совета... Нечего тебе по ведомствам шататься. У партийного руководства в коммуне и уезде забот невпроворот, никто не станет тратить драгоценное время на пустую болтовню.

— Ну, попытка не пытка! Как знать, вдруг повезёт? — упрямо возразил Хань Дуй.

В этот миг Ли Маньфу твёрдо решил: нужно немедленно завалить этого паразита самой тяжёлой, грязной и неблагодарной работой в поле. Пусть вкалывает от зари до зари, чтобы к вечеру еле ноги волочил — тогда у него живо пропадёт всякая охота шляться по инстанциям и

мотать нервы приличным людям.

Окончательно испортив себе настроение, капитан размашисто махнул рукой, указывая на дверь:

— Ладно, Хань Дуй, я твоё положение уяснил. Свободен, ступай домой.

Юноша не стал искушать судьбу. Он вежливо откланялся и поднялся с места:

— Хорошего вам дня, капитан Ли. Не буду мешать трудиться на благо родины. А я, пожалуй, пока солнце высоко, успею смотаться в коммуну.

Ли Маньфу оставалось лишь бессильно скрежетать зубами.

<http://bllate.org/book/19655/1959660>